

Юрий Альбертович Мещеряков, поэт, прозаик, ветеран афганской войны. Печатался в журналах «Литературный Тамбов», «Северное измерение», «Рассказ-газета», региональных изданиях, коллективных сборниках и альманахах. В своем творчестве много внимания уделяет патриотической тематике, продолжает традиции писателей-баталлистов. Автор многих книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в городе Тамбове.

Юрий Мещеряков

ТЕЧЕТ ХАЗАРА

Повесть

Зима медленно приближалась, напоминая о себе холодным дыханием и терпеливо ожидая свой календарный срок. Промозглый ветер порывами гнал по Уралу последнюю листву, брызгал холодными дождями, в свете вечерних фонарей их косые струи заливали крыши домов, щербатый асфальт и тех немногих людей, спешащих к домашнему очагу. Добротный одноэтажный дом-особняк на окраине города ничем не выделялся среди других соседних, построенных лет сорок назад в эпоху благополучного застоя. Два его зашторенных окна светились желтыми пятнами, влекли к себе, убеждая случайного прохожего, что в их желтой глубине растекается уютное тепло, а обитатели дома привычно перечитывают исторические романы, хроники, изредка прерываясь на вечерний чай и программы новостей.

Поздний и, по-видимому, неожиданный гость, укрытый от дождя армейской плащ-накидкой, требовательно нажал на кнопку дверного звонка, потом еще раз и еще, пока, наконец, не отозвалась глухим скрипом входная дверь.

— Разрешите войти, товарищ генерал?

Пожилой человек в сером кардигане поверх форменной сорочки, открывший дверь, заметно приободрился, услышав обращение, подзабытое за давностью лет.

— Вижу, что военный. Кто будешь такой?

— Полковник Глебов. В восемьдесят четвертом в Панджшере был лейтенантом.

Генерал в отставке Манторов, уже не такой крепкий, как раньше, и все-таки бодрый старик с жесткими, сухими чертами лица чуть замешкался, но тут же взял себя в руки.

— Глебов, значит. Ну, заходи, раз такое дело. Что в пороге стоять да еще под дождем? — Он отступил на шаг вглубь прихожей, внимательно разглядывая, словно оценивая, бывшего подчиненного, — вот ты каков теперь стал... Помню я тебя, Глебов, допрашивали тебя при мне по тому уголовному делу, да и так, по-свойски, мы с тобой беседовали. Как тебя по имени да по отчеству?

— Андрей Петрович.

— Почти не изменился ты, Андрей Петрович, только что постарел немного. Так ведь годы, они здоровья и молодости не прибавляют.

Поздний гость снял в прихожей мокрую плащ-накидку, камуфлированную куртку, неторопливо вошел в гостиную, осмотрелся. Старомодное убранство комнаты было небогатым, но по-военному строгим, педантичным: и настенные часы, идущие минута в минуту, и стулья вдоль стены, стоящие ровно в ряд, и покрывало на диване без складок... Командирский взгляд Глебова скользнул мимоходом по обстановке и остановился на книжных шкафах, плотно набитых потрепанными томами с закладками, журналами разных лет, альбомами, газетами. Вот и полки с книгами об Афганистане, много... Интересуется старик тематикой, еще бы не интересоваться...

— Зачем приехал? — Пытливый, сосредоточенный взгляд хозяина уж точно не был дружелюбным, он выдавал внутреннее напряжение, как будто готовность к бою, но вместе с тем и любопытство. — Захотел вернуться в прошлое, да? Что ж тебе там надо спустя столько-то лет? Все, что могли, прокуроры и журналисты уже изучили, вывернули наизнанку. Оболгали, обгадили. Или что-то узнать хочешь? Неужели правду? Хм, так никто ее не знает.

— Понять хочу...

* * *

Утром, едва затеплился туманный рассвет, Глебов открыл глаза и понял, что совершенно не хочет спать, в душе было неуютно, беспокойно, и это мешало слушать дремотную тишину. Так случалось и прежде, когда после четырех-пяти часов полусна возвращалось тревожное предчувствие войны. Но сегодня было особенно тяжело, как будто зрачок снайперской винтовки уже заглянул в самое сердце, как будто впереди, упрямый в расщелинах, взведенный, ждал капкан, ждал именно его, Глебова. В груди защемило, похоже, не отвертеться, что-то будет, осталось только узнать, что. Разгоняя невнятную смуту и последние обрывки сна, он сделал несколько гимнастических движений, попробовал отжаться от влажной каменистой земли. Невдалеке негромко перекачивалась по отмели безобидная речушка Хазара, от нее тянуло холодом. Здесь, перед впадением в Панджшер, она расширялась, но выше по течению, куда направлялся батальон, в узких местах ее глубина местами достигала и роста человека, напор возрастал, она становилась бурным потоком — могла и погубить, и спасти. Умывшись ледяной водой и окончательно придя в себя, лейтенант поднял свой взвод.

— Всем завтракать и готовиться выходу. Времени — тридцать минут. Подошел второй взводный Карпенко, молча сел на ближайший валун.

— Ты как? — Глебов вопросительно посмотрел на товарища.

— Что-то не по себе.

— А наш третий брат Леха Сабитов?

— Мрачный, как туча. Его жене рожать со дня на день, отцом будет. Но что-то не радостно ему. — Мрачен был и Карпенко, вот только не видел он себя со стороны

— И я сам не свой. Задача нам сегодня досталась, черт бы ее побрал, — он непроизвольно выругался.

— Пока найдем эти схроны с боеприпасами, а то и с оружием, придется здорово попотеть.

— Попотеть — еще ладно. Как бы кровью харкать не пришлось. Вот он корневой хребет — облака цепляет. — Глебов поднял глаза вверх, к небу провел взглядом по линии. — Дальше, вглубь по ущелью — скалы, трещины, пещеры. Думаю, и сюрприз для любопытных, то есть для нас. Если там оружие, будет и охрана. Снайпера встретят нас на подходе. Здесь им раздолье, сплошные укрытия, артиллерия и то не везде достанет.

— Точно, здесь позиции для засады — любые на выбор.

— Весь Афган и есть одна большая засада. — Глебов сделал попытку улыбнуться, похлопал друга по плечу. — А когда было легче?

— Ты прав, — Карпенко усмехнулся.

— Я всегда прав. Держи дистанцию и веди наблюдение, говорят, помогает, — на душе было пакостно, и улыбка не удалась. — Чаю выпьешь?

— Нет, что-то не хочется. Пойду я.

Третья рота капитана Баженова, в которой служил Глебов, обеспечивала прикрытие батальона и продвигалась метров на двести выше по гребням и отрогам правого хребта. Она безнадежно отставала от батальона, который с оглядкой на прикрытие осторожно поднимался по дну глубокого ущелья. Роте приходилось идти без тропы, по каменисто-песчаным осыпям, проваливаясь в них по щиколотку, продираясь сквозь низкорослый цепкий кустарник, повторять все складки местности, неся на себе обычный двухпудовый груз снаряжения. Эффективность ее работы была ничтожно мала, прикрыть батальон своим огнем в случае нужды она бы не сумела. Такие мысли под хруст щепки и надрывный хрип легких одолевали и Баженова и его офицеров, и формально весь ход их размышленный был логичен, но ровно до того места, где требовалось ответить на вопрос: а совсем без прикрытия, без охранения, как? Здесь в мыслях образовывался ступор, поскольку представить, что может быть потом, никто не решался, да и не мог, а само решение, правильное оно или нет, принимает старший командир, и от них оно никак не зависело. На востоке над горами уже показалось молодое апрельское солнце, а следом и третья рота поднялась на удобную каменистую тропу и пошла по ней, почувствовав облегчение. Баженов несколько раз выходил на связь с комбатом Карауловым, докладывал обстановку, и комбат принял решение двигаться по тропе, то есть уходить с хребта, поскольку тропа была горизонтальной и где-то там впереди соединялась с нарастающей долиной Хазары. Баженов пробовал втиснуть в эфирное пространство свой встревоженный вопрос «А как же?..», на что получил краткий и жесткий ответ: «Выполняй приказ!» Своего странного и даже опасного решения комбат никому не объяснил...

— Понять хочешь... Я вот тоже хочу. Кто виноват в гибели десятков людей, что делать с этим? Знакомые русские вопросы, а как тебе поговорка: *крепок задним умом?* Все про нас, грешных, про нас, но в жизни бывает неумолимое стечение обстоятельств или, хуже того, неумение, нежелание предвидеть свое завтра. Иногда это *завтра* наступает через несколько минут. Еще не поздно понять, но никто не слышит набатных колоколов... По ком звонит колокол?

— Видел у вас на полке эту книгу. Читаете? Хемингуэй, наш человек, интернационалист. Только он писатель, а вы были командиром дивизии, делали войну, и этот пафос — он немного неуместный.

— Отчего же? Колокол-то звонит. По ком? Кого предостерегает? Чудовищно, но никто не думает о себе. Это в детстве были колокольчики звонкие такие, чистые, потом... Потом приходят и другие времена. Остерегись же, одумайся! — Последние слова Манторов произнес глубоким низким голосом с налетом театральности, как будто он давно и тщательно готовил эту речь. — Это касается и комбата Караулова, и комполка Соломина, это касается и меня, — здесь он чуть запнулся, — слово генерала не обсуждается, таков армейский принцип. И то, что я как генерал считаю общим местом, а я имею на это право (!), кто-то понимает буквально, до запятой. Может быть, в этом противоречии и есть удар колокола и для меня, и для всех нас. Потом сколько угодно можно искать крайних и виноватых, но если ты сам не слышишь предупреждения, сам и готовься к ответу... Ты вот кто по своей нынешней должности?

— Командир бригады.

— Какой?

— Полного штата.

— Кавказ, значит. Значит, ты меня поймешь. — Манторов открыл небольшой бар, устроенный в секретере, достал початую бутылку матового стекла, нарезанный, чуть подветренный сыр. — Давай по коньяку. Мне — глоток, а ты себе наливай, не стесняйся. После того трагического дня многие искали ответ, искали, как священную чашу Грааля, что же на самом деле произошло на Хазаре? И пришли в итоге к удобной фразе, которая все объясняла и всех устраивала, особенно кабульское руководство — к *незаятым господствующим высотам*. Подумать только! Тактики нашлись... Чтобы этими высотами овладеть, были бы нужны и дополнительное время, и другие силы, но именно это и не предполагалось, поскольку рейд был внеплановым, практически заказным. Если помнишь, нашлись информаторы из местных, которые сообщили о крупном складе боеприпасов. Просто на тарелочке преподнесли. А вот теперь скажи мне как офицер, как ты воспримешь мои слова, слова командира дивизии, *сойти с гребня?* Не спеши с ответом.

— Тот, кто получил такую команду в боевой обстановке, не может не спешить с ответом. Я бы ее выполнил, но...

— Но?

— Да ну что вы? Никто не отменял охранение на марше, даже командир дивизии. Сойти, как вы говорите, *с гребня*, не означает отказаться от охранения — только приблизить его с учетом складок местности и для лучшего взаимодействия с основными силами. А если потребуется — то и для организации боя.

Манторов быстро отвернулся, оказавшись к собеседнику спиной, и тут

же приподнял седую голову, выпрямился, но Глебов успел заметить, как повлажнели у старика глаза.

— Ты верные слова сейчас сказал, Глебов. Ты, конечно, комбриг с академическим образованием, у тебя афганский и чеченский опыт за спиной...

— Нет, Виктор Иванович, опыт пришел позже, а этот постулат я с первых дней службы усвоил. Это же боевой устав. Так вы все-таки давали такую команду?

— Понимаешь, вопрос о сроках операции стоял жестко...

* * *

Через час третья рота влилась в колонну батальона, и только тут ее солдаты и офицеры почувствовали странный холодок, который иногда пробегал по их спинам. Идти по песчано-каменистым склонам, проваливаясь в песок, в мелкий щебень, как они шли прежде, было тяжело, но за усталостью никто не ощущал опасности, а теперь они раз за разом оглядывались именно на правые отроги, бугристые, поросшие кустарником холмы, которые стали так удобны для вражеской засады. Раньше они этого не замечали.

— Взвод, увеличить интервалы, — Глебов чувствовал опасность, и в какой-то момент она стала для него реальной.

Одинокий орел парил высоко в небе, искал добычу, кто-то из бойцов начал целиться в крылатого охотника из автомата. Глупец, на такой высоте пуля его не достанет, даже не напугает, а вот лишнее оживление роте совсем ни к чему.

— А ну, отставить... Всем вести наблюдение, не отвлекаться.

Последними в колонне батальона шли союзники, усиленный взвод солдат афганской армии, сарбозов. Молодые парни и зрелые мужики, они как будто с недоумением носили военную форму, отработывая свой срок по призыву, и вызывали невеселую улыбку. Крестьяне — они и есть крестьяне, на их афганский манер — дехкане, что не меняло сути. Они были люди, далекие от войны, напуганные репрессиями и джихадом, многие из них не понимали, что происходит в затянувшейся гражданской войне. Их простодушная мечта могла показаться совсем наивной: быстрее бы домой, к своим наделам, весна уже в самом разгаре, надо кормить свои большие семьи. Сегодня от них исходила неподдельная тревога, даже страх, сарбозы явно нервничали, оглядываясь по сторонам, жестикулируя, в чем-то убеждая друг друга. За прошедшую ночь их стало меньше.

— Что у них случилось? — Спросил своего солдата-таджика Глебов.

— Говорят, впереди много духов.

— Ну, *дошман бисиор* я и без тебя переведу. Что они так нервничают?

— Впереди засада. Они говорят своему командиру, что не хотят идти, а он им угрожает, что сам их убьет, если они не пойдут.

— Понял тебя, надо доложить ротному.

Ротный Баженов, жилистый, резкий, самоуверенный, чем-то похожий на цыгана, отреагировал на доклад раздраженно.

— Черт, что за утро? Туман, сырость, комбат с оригинальными решениями. Карпенко *спит в борозде*. Ты тут со своими духами.

— Сарбозы действительно нервничают.

— Откуда им знать про засаду? Они любую причину ищут, лишь бы никуда с нами не идти, вояки *хреновы*.

— Может, и так, но насчет духов все серьезно. Час назад впереди, в ущелье, были выстрелы.

— Знаю, — Баженов поморщился, — у нас здесь полторы сотни штыков, а с сарбозами и того больше, ты что думаешь, кто-то осмелится на нас напасть?

— Все зависит от того, сколько здесь духов, ну и сколько у них наглости. Главное, нельзя терять бдительность — вот и все, о чем я думаю.

Для лейтенанта дилемма, думать или нет, не существовала. Конечно, в боевом уставе написано практически все, но важным было не только не отступать от его требований, но правильно их применять, а для этого и надо думать. Вопрос ротного его зацепил, в самом деле, кто осмелится? Даже при худшем *раскладе* через пять минут боя снаряды артдивизиона вспашут все окрестности, следом для нанесения точечных ударов одна за другой придут пары боевых вертолетов, все по учебнику. Как иначе? Нужно быть идиотом, чтобы так подставляться. Мысли были ровными и даже гладкими, аккуратно выстраивались в логическую цепочку, но Глебов, еще совсем молодой, новый человек в этой вздыбленной восточной стране, упустил важные детали. Он не знал и не мог знать, какой жестокой, какой непредсказуемой бывает война, не знал и афганцев — людей другого, мусульманского мира, для которых умереть в борьбе против неверных было пропуском в райские кущи, во всяком случае, так они думали. Да и травку они покуривали не просто так, после нее страха становилось меньше.

Перевалило за десять часов. Батальон остановился на короткий привал у Малимы, небольшого кишлака, зажатого в скалах, пока вторая рота заканчивала его осмотр и зачистку. Вокруг расстиралась широкая зеленая поляна, набитая плотной травой, из которой шляпками боровиков выглядывали замшелые валуны и острые углы прибрежных камней. И так приятно было лежать на этой весенней поляне, откинув голову на вещевой мешок, глядя в высокое синее небо, где свободно парил все тот же одинокий орел... Что-то там есть в этом небе, отчего-то так хочется смотреть и смотреть, наслаждаясь его прозрачной глубиной, волокнами перистых облаков, дышать его свежестью. Смотреть и дышать, как в последний раз...

— Батальон, начать движение! Саперы, вторая рота, — прямо по тропе... Разведка, третья рота, перейти через мост, по правому берегу — вперед... Гранатометный взвод следом... Минометная батарея...

По правому, это значит, по течению речушки Хазары, а если по ходу движения батальона, то получалось наоборот. Масса людей с оружием пришла в движение, набирая интервалы, выходя на свои направления, третья рота уже пересекла мост. И здесь произошло что-то невероятное, никем не предвиденное, то, что не умещалось в командирских головах... Моджахеды все-таки осмелились...

* * *

— Сроки выполнения задач... — Глебов раздраженно пожал плечами. — Скажу честно, я до сих пор не понял, зачем их так форсировали. Выйти на рубеж... Занять высоту... Зачистить кишлак... Сроки ставились такие, что к ним было физически не успеть. Существует же и предел возможного. Предел не у полковника в комфортном штабе в Кабуле или в Ташкенте, а у солдатика на горной тропе с двухпудовым снаряжением на плечах.

— Ну, положим, сроки еще и дисциплинируют. Огромное количество войск, вдумайся! Их надо привязать к понятным ориентирам, а время — это лучший ориентир, отсечка, за который командир и отвечает. И меня, комдива, тоже в ежовых рукавицах держали.

— Очень много боевых потерь было именно из-за спешки. Перепады высот составляли сотни метров, нагрузка на людей была запредельной, а приходилось еще и минуты высчитывать. Я убежден, командир должен иметь право на свое мнение, на командирскую оценку всех обстоятельств, ему никто не может связывать руки и уж тем более гнать к надуманным срокам.

— Это ты так рассуждаешь как взводный или как командир бригады?

— Я этих ребят между собой не делю. Каждый из них лично отвечает за свои поступки. Видел я Караулова на привале у Малимы. Он уже тогда был обречен, перешагнул роковую черту, такое у него было лицо. Знаете, есть понятие — синдром непринятого решения, своего рода замешательство. Тот самый случай. Ему, командиру, не оставили выбора, значит, и батальону не оставили. А если бы он имел право сомневаться...

— В чем, в выполнении приказа? — Манторов приподнял подбородок, привычно, начальственно свел у переносицы брови.

— Товарищ генерал, вы за горло берете... Сомневаться не для того, чтобы сорвать задачу — чтобы трезво оценивать свои возможности, высказывать свои доводы командованию, отстаивать их... Вот только кто его будет слушать? Кто его, капитана, услышит? Вперед, твою мать, за тебя уже все решили, иначе в трибунале будешь объяснять свои сомнения под протокол. Именно в таких выражениях, ведь так? Что скажете? А нечего Вам сказать! И шел капитан с достоинством и честью на смерть, и солдат за собой вел.

Глебов вспылал, но, словно вспомнив о субординации, одернул себя и, не ощущая вкуса, разом выпил остававшийся в фужере коньяк. Манторов же свой глоток тянул долго, многозначительно, так и не сумев ответить на агрессивный выпад своего визави. Ему было страшно признаться себе, что Глебов прав. В разговоре возникла неловкая пауза, и тут же осторожно заявили о себе настенные часы, словно напоминая, что они на службе у времени и они все слышат.

— Налей мне еще. Черт с ними, с докторами, больше, чем отпущено, все равно не проживешь.

— Хм, выходит, бойцам и офицерам, что полегли на Хазаре, ничего не было отпущено, — Глебов мрачно усмехнулся.

— Моей вины здесь нет. И мои амбиции не зашкаливали. — Манторов говорил твердым голосом, глядя в полированную столешницу и, как будто убеждая самого себя в своей правоте. — Я уже тогда был в генеральском чине, не топтал горы ногами, не напарывался на засады — это верно, но я тоже выполнял приказ. Догадайся, чей?

Ты даже не представляешь, какая тогда сложилась обстановка. Операцию в Панджшере планировали на последние дни марта, руководил подготовкой маршал Соколов, готовилась она втайне, тщательно, но товарищ Наджиб, в то время начальник афганской контрразведки, попросил его перенести начало операции. На Ахмад Шаха, нашего главного врага, готовилось покушение. Сорвалось. Сдвинули начало на апрель. Снова Наджиб просит о переносе, и снова с покушением неудача. Его мы в двуручничестве не подозревали, но факт остается фактом: утечка информации была, погибло несколько сотрудников контрразведки. Операция начинается

19 апреля, но за три дня до начала, за три (!), Ахмад Шах уводит с боевых позиций свои подразделения в запасные районы, (а это несколько тысяч боевиков), уводит население. Как? Как он это смог повернуть? Наша стратегическая, штурмовая авиация, артиллерийские дивизионы наносят удары по оставленным, по пустым опорным пунктам и не причиняют врагу вреда. Практически безрезультатно. А впереди годовщина Саурской революции, и у нас майские праздники, и День Победы следом. Должен быть результат! Вот откуда и берутся сроки. Тем не менее, операция шла по плану, без серьезного сопротивления, если помнишь, и наши потери были минимальными, в основном, подрывы на минах.

— Помню, как не помнить. Подрывов было так много, что мы все пребывали в шоковом состоянии. Духов еще в глаза не видели, а раненых и изувеченных в полку десятками считали. У соседей-десантников в Анаве тринадцать человек погибло одним разом. Что считать минимальными потерями — это большой вопрос.

— Но организованное сопротивление душманы все-таки не оказывали, и мы успевали завершить операцию по захвату Панджшерского ущелья в апреле.

— Успевали, — Глебов смотрел перед собой, мыслями он снова, в который раз — в сотый, в тысячный — был там, на Хазаре, где они так спешили к назначенному рубежу. Кто бы знал, какой их ожидал рубеж. — Я даже представляю красную стрелу на карте командующего армии, которая медленно ползет к верховьям Панджшера, к заледенелым перевалам. Вот и Пакистан видно в стереотрубу.

— Я понимаю тебя, — генерал смягчился, перед ним сидел человек из его разбираемого противоречиями прошлого, один из тех офицеров, кто если и не спасает сражения, то дает армии шанс не потерять лица. — Всем нам, побывавшим в Афганистане, выпало по-разному, тебе же досталось полной мерой.

Но должен тебе сказать, мы, командиры звена, полк-дивизия, постоянно ставили вопрос о сохранении жизни людей, наших солдат, офицеров, о сокращении числа операций. А высшее командование, оно ведь еще той, военной закалки, заботилось исключительно о выполнении главной боевой задачи. Для него она была и политической задачей, известной тебе как интернациональный долг. Да, мы гордимся предками, героями великой войны, так и есть. Но те, кем мы гордимся, все еще были на командных постах и мыслили, как прежде. Победа и только победа! Вчера они сломали фашистам хребет, сокрушили Германию. Сегодня перед ними Панджшер. По ущелью отбомбилось несколько полков авиации, что им этот Панджшер? Они же Берлин с землей ровняли! А ведь у них еще и репутация была, и апломб, вот и задумайся...

Все это Глебов знал и выслушивал Манторва из уважения, как-никак тот тоже был из военной элиты, хотя бы и в отставке.

— Белый генерал Скобелев как-то сказал: «... привык расходовать войска...» Когда он завоевывал для России Среднюю Азию, он именно расходовал войска, как ресурс. Много ли изменилось с тех пор? Вот и маршал Соколов упокоился недавно, земля ему пухом, сто лет прожил. У него Отечественная война за плечами была, он уже в сорок первом начальником штаба полка ходил, людей на смерть посылал. Что ему ваш батальон, помнил ли? Совсем другое измерение. В афганскую кампанию он уже был заместителем министра, куратором по Афганистану. Операция в Панджшере — это его детище, понимаешь? Ну и как ты думаешь,

справился он с задачей? Вот это и есть вопрос. Он отвечал за все и лично докладывал в Политбюро о ходе боевых действий. Мне приходилось с ним общаться, и должен тебе сказать, руководителю такого ранга, как он, невозможно ответить *нет*. А когда такая ответственность, такой прессинг, случаются и ошибки, они бывают у всех. Ошибки — не преступления, это должно быть понятно.

— Товарищ генерал, вы сейчас утверждаете или спрашиваете?

— А какой тут может быть вопрос?

— Чаще всего вопрос стоит о масштабе. О масштабе ошибки.

— Вот ты о чем... Я... Я расскажу тебе о своей главной ошибке, а ты уж сам решай, сколько она весит. Когда формировался ваш мотострелковый полк, мне уже была известна задача по захвату Панджшера, ради которой его и создавали. Надо было продавить духов до самых верховьев, до ледников, лишить их коммуникаций, баз снабжения, оружия, выбить живую силу. Не скрою, Соломин вызывал у меня доверие. Местную обстановку знал, полком командовал уверенно, Кабульскую трассу держал, разведрота полка была на лучшем счету в дивизии. Когда встал вопрос о назначении его, танкиста, на мотострелковый полк, я сомневался. Да, я сомневался в его профессиональных навыках. Пехота — это образ жизни, это судьба. Поймет ли он, закованный в броню... Но Соломин целый год в Афгане, знает местные обычаи и людей, знает войну. Предлагали мне кандидатов из других соединений, либо достойные выдвиженцы, либо чьи-то креатуры, карьеристы — поди разберись. И я за него ходатайствовал, считай — назначил. Вот это и была ошибка. Моя вина, не отказываюсь. Он оказался мастак скакать по верхам, каблуками щелкать. Что он там корреспонденту выдавал, когда меня срамил? Мол, он гонял *панджшерского льва* Ахмад Шаха по всему ущелью, а тот даже Базарак, родовое гнездо, не стал защищать. Жаль, не уточнил, как дорого это стоило именно его полку, не уточнил же! Да и про соседей забыл, которые ему фланги обеспечивали, которые из Панджшера все лето не выбирались; между прочим, в операции участвовали батальоны трех дивизий и другие части.

— Что Вам Соломин, если каждый человек отвечает только за свои поступки?

— Но кто-то хочет, чтобы я теперь, спустя столько-то лет, ответил еще и за чужие, мне бы вот со своими разобраться. Что я, по-твоему, сухарь бесчувственный, не понимаю, что тогда произошло? Это же мои солдаты погибли... — Здесь Манторов поднял глаза, он был неожиданно бледен и сосредоточен. — Глебов, ты действующий военный, командир бригады, в разных кругах вращаешься, не посрами мое имя, защити от произвола.

— Товарищ генерал, Виктор Иванович, это сложная тема, — Глебов удивился и не скрывал этого, — Вы — представитель военного руководства, этакое клана неприкасаемых, на ком лежит ответственность за всю афганскую войну. Командиры батальонов и полков были для вас подушкой безопасности, разве не так? Чтобы принять сейчас вашу сторону, надо быть либо безрассудным, либо заинтересованным. Но мой интерес совсем другой, мне бы понять, что там произошло на самом деле? Да и что оно, мнение одного человека... Это уж, извините, как звезды сойдутся.

— Какие, к черту звезды, твое слово вес имеет, ты просто скажи...

— Слов недостаточно, люди понимают самое простое. Если Ваньку-стрельца стражники на плаху повели, значит, он и есть главный разбойник в государстве.

— Вон ты куда гнешь.

— Я все по делу говорю. Кулуарные решения вынесены давно, забылись уже, истлели вместе с бумагой, а вот бесславную гибель стольких людей забыть невозможно. Чтобы вам отстоять свою правду, нужно быть открытым, публиковать статьи, давать интервью, с людьми встречаться и, само собой, признать ошибки. И еще нужно обязательно побывать на могиле Караулова.

— Я побываю, но... кто-то посчитает меня лицемером и циником.

— Есть за что? Ну, что ж... Это крест, его надо нести. У каждого свой Голгофа. А настоящий солдат поймет и другого солдата. Наверное, и вас поймут.

* * *

Батальон умирал смертью мучеников... Расколосось напополам это синее, это равнодушное небо, и мир полетел в преисподнюю. Хлестнуло плетью, бичом! Резко, больно, с брызжущей кровью, с семидесяти, со ста метров... Ты представляешь, что такое сто метров для пулемета? Захочешь промахнуться — не сможешь. Смерть циничная, дерзкая врезалась веерами из сотен пуль в человеческую массу, ломала, корежила, била... Над полем брани стоял крик и стон искалеченных, израненных людей. Те, что еще были живыми, искали укрытий, бежали и ползли, но расстояние до вражеских позиций, откуда велся огонь, было таким ничтожным, что сноровистые стрелки не могли промахнуться. Люди гибли, как в немыслимом страшном сне, как в кинохронике сорок первого года... Так не должно было быть... Срубленный пулеметной очередью, упал Караулов, один из первых...

— За камни... Рассредоточиться... Вести огонь...

Говорить, тем более, кричать раненому комбату становилось все тяжелее. Связист уже был мертв. Его, командира, почти никто не слышал. Но в анналах навсегда останется, что он до последнего вздоха управлял боем, делал все, что оставалось в его силах, он терял кровь, но сопротивлялся. Вражеский прицел продолжал искать его среди массы погубленных людей, и через час еще одна очередь опоясала грудь. Когда мы говорим «*Слава героям!*», мы говорим и о нем, о комбате Караулове. Был ли он прав, заблуждался ли, но он вступил на тропу войны, не сошел с нее и погиб с оружием в руках... Следом за ним рухнули в бездну офицеры батальона, и второй, и третий ротные, и взводные, а потом и сержанты, и солдаты по бесконечному смертному списку...

Душманская засада располагалась подковой. Справа по ходу движения батальона, со стороны заоблачной горы Пизгарани длинным языком спускался хребет, как бы сужая ущелье, вот его и использовали духи для замыкания огневого мешка. Третья рота продвигалась вверх по ущелью слева от реки, но бить ее начали с правой стороны, с близлежащей сопки. Вторая рота шла по правой — и огонь по ней открыли с противоположной, с позиций, подготовленных в скалах, над головами третьей роты. Это и есть губительный перекрестный огонь. В обеих ротах почти сразу не стало саперов, незащитных рыцарей минной войны, они шли первыми, первыми и легли. Остальные могли бы попытаться отойти, но оторваться от земли, приподняться, попробовать бежать или стрелять — значило стать мишенью, по которой будут бить плотным огнем. Прикрытия на высотах, хотя бы отвлекающего, той самой третьей роты Баженова, не было, а огонь

артиллерии или вертолеты вызвать уже никто не мог. Откуда бы знать Караулову, что такое могло случиться... И люди продолжали гибнуть, не находя выхода с кровавой поляны.

Среди этой растерзанной плоти, среди сосредоточенного вражеского огня Глебов был стопроцентной целью, таким же, как все, но все же удачливее, он менял позиции, перебегал, искал укрытия и мертвые зоны, он успевал видеть, что происходит вокруг, чтобы уберечься от душманской пули — в конечном счете, от глаза стрелка и снайпера. Те восточные звезды, на которые лейтенант всегда уповал, разложили свой пасьянс в его пользу, не подвели, но пожелали, чтобы сегодня он был героем. И он стал им. Это был не его выбор, личное мужество требуется только в случае, когда для спасения или для победы не остается других средств...

Найдя безликий серый камень, выпирающий из плотно набитой прибрежной травы, Глебов начал ножом, ногтями рвать землю из-под него, чтобы самому врасти в эту землю, хотя бы на несколько сантиметров стать ниже, незаметнее. Невдалеке от него лежал убитый солдат из гранатометного взвода. Тяжелая гряда автоматического гранатомета с опустошенной лентой валялась рядом со станком вверх. Зацепив его стволом автомата и подтянув к себе, он огляделся в поисках боеприпасов и выживших людей.

— Баталов, ты? Живой?

— Я, товарищ лейтенант, — отозвался из соседней ложбины сержант-гранатометчик, — вроде ничего, жив покуда.

— Где командир взвода?

— Нету больше взводного, убило его.

— Боеприпасы?

— Лента осталась, последняя.

— Давай ее сюда, поработаем по духам, что добру пропадать... Присмотри себе другую позицию, начну стрелять — сразу уходи, они ответят...

Четырьмя плотными очередями Глебов израсходовал всю ленту, гранаты рвались на позициях моджахедов и дальше, за их спинами, сыпались зазубренными осколками, пробивая душманские паколи и пируханы, заставляя их вжиматься в лежаки или наоборот — бежать. Долго ждать ответа не пришлось. Лейтенант едва успел отползти, когда земля в том месте, откуда он стрелял, закипела хищными фонтанами, две пули пробили его вещевой мешок и еще одна — повредила гранатомет.

Спустя час-полтора со стороны Панджшера в ущелье ворвалась пара боевых вертолетов, шла низко, рискованно, сделала облет поля боя и ударила НУРСами по правой каменной сопке, с которой продолжали обстреливать третью роту. Под прикрытием их огня Глебов рывком бросился менять позицию, перескочил через ложбину... Увидел Баталова, глаза открыты, автомат прижат, на груди смертные знаки от пуль, не успел... Вот и Карпенко лицом вниз, убит... Чуть дальше и третий брат Леха Сабитов неловко подвернул руку, тоже мертвый... Багров, взводный гранатометчиков... Как же вы так, ребята?... За валуном, посеченным пулями, можно было прийти в себя... И наблюдать. Сжаться в комок — и наблюдать! Не думать, что будет потом — думать, что делать сейчас. Кто еще остался в живых? Самый мучительный вопрос... Где-то впереди, из-за туши убитого ишака прохрипел голос начальника связи. Он с кем-то перекликался, из его обрывочных невнятных слов Глебов понял, что убит комбат, убиты особист и авианаводчик, тяжело ранен, умирает замполит батальона.

— «Стрела» знает про засаду? — не выдержав, почти закричал Глебов, назвав позывной командира полка.

— Знает... Доложили сразу, как смогли.

— Так что же он?

— На связь не выходит... Бросил он нас, сука...

Автоматная очередь хлестнула совсем близко, Глебова отбросило в сторону, он так и остался лежать на спине, сдерживая дыхание, прикрывая руками и автоматом живот, боясь лишний раз пошевельнуться, и при этом хорошо видя, что происходит вокруг. Стреляли именно в него, на звук голоса, духи выискивали занозистого лейтенанта, затерявшегося среди наваленных тел, среди камней и ложбин. Дальность все та же, не промахнешься, засекут — все, конец. Через какое-то время он увидел трех моджахедов, продвигавшихся по краю поляны, они осматривали убитых, собирали оружие, и уже подошли к нему метров на двадцать. Один из них был европейской наружности, высокий, светловолосый, одетый в камуфляж песочного цвета, другие — в необычной черной униформе. *Европеец, инструктор? Зачем ему надо ходить по полю мертвецов? Или наемник? Похоже, теперь мы это не узнаем.* С такими мыслями Глебов медленно, чтобы не привлечь внимания, приподнял автомат, подсоединил к нему полный магазин, прицелился по стволу и плавно нажал на спуск. Жадная горячая очередь на тридцать патронов рванулась из ствола, и когда последняя отлетевшая гильза отзвенела в прибрежных камнях, три рухнувших моджахеда были уже мертвы.

В какой-то момент бой раскололся на несколько очагов. Вот духи идут добывать раненых, снимают место боя на камеру, кто-то с матом и яростью бросился на них рукопашную. Вот кто-то, чтобы не попасть в плен, подорвал себя гранатой, ему уже не больно, кто-то другой дал отчаянную длинную очередь в сторону врагов, не в силах дольше терпеть страх. Вот кто-то из-за камня одиночными бьет и бьет по духам, но если он не сменит позицию, они его достанут. Впереди, во второй роте, под скалой после взрыва мины больше не стреляют, живых там не осталось, а их ротный лейтенант Житник погиб еще раньше. Вот замполит батальона Медунов, наштигованный пулями и промедолом, пришел в себя после тяжелого ранения и по радиосвязи зовет на помощь начальника штаба: *«Сделай же что-нибудь!»*. Вот недалеко от уреза реки лежит Баженов, опрокинутый навзничь, его расстреляли в спину. Но кто-то добежал до Хазары, бросился в ледяную воду, и его несет течение. Вот минометчики укрываются опорными плитами от минометов, на открытой площадке свои *самовары* им не развернуть, они так и не сделали ни одного выстрела. Вот снова идут вертолеты сразу боевым курсом, снова бьют выступающий каменистый горб, расщелины в скалах, пещеры — все, что подходит под вражеские позиции. Они боятся попасть по своим. Спасибо вам, братья-вертолетчики, за поддержку, но мертвых уже не поднимешь. Вот кто-то из живых вырвался с расстрельной поляны, скрывается в скалах и не уходит, живые не могут бросить своих мертвых.

Поле боя продолжало жить бессмертной надеждой, но ее, этой надежды становилось все меньше, потому что в пяти километрах, ссутулившись, тупо уставившись в речные панждшерские камни, командир полка никак не мог принять нужного решения на бой... Погибал его батальон, а он все ждал победного доклада, все медлил, не понимая очевидной логики происходящего и самого главного противоречия — между жизнью и смертью.

— Да, ты поднялся на свою Голгофу, выстоял, ты смог, за что я тебя и уважаю, и готов выслушать от тебя даже нелицеприятные вещи. Но только от тебя, — генерал не пытался скрыть своих сомнений, почувствовав в боевом офицере твердость и прямоту. — Так скажи мне, герой, мог ли быть другой исход у этого боя? Ведь у тебя-то получилось, вот ты сейчас стоишь передо мной крепкий, дерзкий, как и раньше, с благородной сединой, с этакой снисходительной улыбкой победителя. Почему же другим это не удалось?

— Так сошлись звезды, — во взгляде Глебова не было и тени иронии, почти тридцать лет он сам задавал себе этот вопрос, не находил ответа, но этот же вопрос ему задавали и другие, — я здесь не при чем.

— Опять ты за свое, хватит ерничать. Тебя ведь даже не ранило.

— Сильно жить хотелось. Вот и весь мой героизм и удача заодно. Могу только добавить из своих наблюдений, что к бою надо готовиться заранее, и я готовился, командовать людьми — до боя, и я командовал. В бою должны работать рефлексы, вот они и работали. Весь день — только рефлексы. Такой ответ подойдет? Ко мне и моим бойцам никто из духов так и не приблизился, не смогли. Я и говорю, что так сошлись звезды.

— А ты веришь в Бога?

— Кто ж в него не верит? Все верят и все чего-то от него ждут, чаще всего, чуда. Только обычно он приносит с собой тяжелые испытания, и никакая самая искренняя вера от этих испытаний не спасает. В тот день некогда было думать о чудесах, и героем я тоже не был, просто хотел выжить. В этом и кроется суть. Мы отбились, мы свой путь прошли, проползли, все остальное — легенды.

— А видекамера?

— Да, интересный эпизод. Они хотели снимать наших мертвых, наших раненых на камеру... Наверное, для отчета перед своим боссами. Суки, совсем оборзели! А что в итоге? Кто-то видел хотя бы один кадр этого поля битвы? Никто не видел, похоже, что камеру мы им все-таки подпортили.

Глебов раздвинул тяжелые гардины и сосредоточенно смотрел в окно, в черную ночную пропасть, по его лицу блуждала неприятная усмешка. Да, их позор не видел никто.

— И еще. Это были не совсем простые духи, среди них были и сбежавшие сарбозы, и гости из Пакистана, а их учили воевать. Это не крестьяне, которых местная власть набирает в армию, которые не знают, что делать с ружьем, и только ждут, когда их по домам распустят. Они наслаждались бойней. Задача по ходу дела перед духами стояла обычная: организовать засаду, плотным огнем нанести максимальный урон противнику, то есть нам, и отходить, пока мы будем заниматься ранеными и разбираться, что происходит. А тут вдруг такая удача поперла, удача! Шурави потеряли бдительность, долго не могли прийти в себя, отстреливались кое-как, и — ни одного артиллерийского залпа. У шурави полный Панджшер войск, а на помощь к ним никто не пришел, значит, их надо бить до конца. Вот такая схема событий, с этим до обидного просто, а что происходило вокруг боя? Разное говорят, приходится верить на слово, либо не верить совсем. Вы-то что скажете?

— Одним словом, что ты сделал, комдив, чем помог? — Манторов усмехнулся. — Ну что же, имеешь право. Около полудня на связь со мной

вышел командир соседнего 177-го полка, доложил, что в нескольких километрах от его роты идет бой, слышна активная стрельба, он сообщил ориентировочный квадрат. Так я первый раз узнал о том, что ваш батальон напоролся на крупное подразделение моджахедов. Заметь, я узнал это не от Соломина, который был обязан сразу доложить мне о боестолкновении да еще в таких невыгодных условиях! Я до сих пор не представляю, что с ним происходило, но на мой вопрос об обстановке командир полка ответил, что Караулов справится своими силами, и помощью от командира дивизии не потребуются. Его не беспокоило даже длительное отсутствие связи. Как выяснилось позже, Караулов к тому времени был уже убит. Может быть, Соломин под прессом ответственности был не в себе, и его надо было направить на медицинскую комиссию? Жаль, это не было сделано сразу, многие вопросы снялись бы сами собой. Так вот, после его странного доклада я отправил к месту боя два Ми-24 с начальником разведки дивизии, он-то мне и сообщил, что там происходит на самом деле.

— Похоже, это и была первая пара *вертушек*, которая отработала по духам.

— Да, она самая. После нее пары *горбатых* шли одна за другой, штурмовики бомбили по гребням, по высотам. Но главное, я отдал приказ командиру полка принять немедленные меры к разблокированию батальона. Все это он как командир должен был сделать самостоятельно, без моих указаний, а не распускать сопли и не размазывать их, спустя десятилетия, перед молоденькой журналисткой. Два, два (!) дивизиона артиллерии молчали. Как же так можно? В чем зерно командования? Боевые машины пехоты с полным боекомплектom, с экипажами — их-то почему Соломин не использовал? Ну и, наконец, в резерве была мотострелковая рота, разведка. В чем же истинная проблема, если не в самоустранении от управления? Кто-то может мне объяснить? Ты — можешь?

— Я лучше промолчу.

— Понимаю, дело принципа. Не хочешь принимать мою сторону.

— Это обвинение в преступном бездействии. Поверить, что так и было — немыслимо.

— А как иначе понять? До места боя всего пять километров, маршбросок для пехоты, час времени. А боевые машины, БМП с их пушками? Они бы камни в щебень размолотили. Сколько бы людей было спасено!

— Надо еще разобраться, что было у него в голове, почему он так себя вел, что ему мешало действовать.

— Ты не хочешь видеть факты. Но ответ же мне тогда, что Соломин сделал сам лично? Сел на связь и руководил артиллерией? Собрал все резервы и бросил их на прорыв? Сам возглавил усиленную роту и двинулся спасать своих ребят? Пешим порядком, на танке? Потребовал от командива высадки десанта в районе боя? Ничего подобного: не было ни эмоций, ни командирской воли. Ну, а позже... Позже крокодилы слезы. Но ты все это знал и без меня?

— В общих чертах — да.

— Если так, что ж ты ехал в такую даль?

— Того, что знал, мне показалось мало, все больше предположения. Я решил сам сложить эту мрачную мозаику, а значит, надо было услышать всех, кто причастен к событиям, кто помнит. В заочных высказываниях много лукавства, а иногда и вранья. Каждому есть, о чем промол-

чать. Когда же смотришь в глаза, все становится проще, глаза не обманут. Вон вы как реагируете, чувствуется, что вам не все равно.

— Реагирую... — Манторов чуть задумался. — А ты, значит, и к Соломину заезжал? Та-ак, вот мы и вернулись к нашему главному персонажу...

* * *

— Товарищ подполковник, бронегруппа первого батальона готова к выходу.

— Не рви удила, начальник штаба, поостынь. Караулов — хороший командир, сам знаешь, обстановка штатная, справится.

— Дайте приказ! — Рогулин настаивал, он не понимал, что для танкиста является штатной обстановкой. Если по броне надоедливо бьют случайные пули? Если осколком срезало антенну? Если миной-итальянкой разорвало гусеницу? Это не про пехоту — пехота беззащитна, у нее даже исподняя рубаха надежней бронжилета, на голом пятаке ничего кроме смерти не найдешь. Даже госпожа слава, если соизволит прийти, и та — после смерти, пропустив *старуху* вперед.

— Дайте приказ! — Рогулин не находил себе места, у него внутри было смятение. Вот он стоит со сжатыми кулаками, готовый на все, а его не пускают помочь своим, своему погибающему батальону. Взвод бойцов в нервном возбуждении тоже ждет команды, им уже надоело курить. Странно, что еще не прибыла первая рота и разведка. Время-то уходит, жизнь уходит. И уже как два часа пропала радиосвязь. Начальник штаба все еще надеялся переубедить Соломина: не ждать подкреплений, а начать действовать теми силами, что есть, — товарищ подполковник, там тяжелый бой, там люди гибнут, нельзя ждать.

— Куда я тебя пошлю? Зачем — чтобы ты тоже влез в капкан, а полк остался совсем без резерва? Обстановка неясна. Сиди и жди указаний, рано еще. Должен наступить перелом.

Соломин, будучи командиром полка, который прежде успешно обеспечивал охрану Кабульской трассы, не мог себе и представить, какими бывают последствия, когда пехотный по своей сути батальон попадает в засаду, в огневой мешок. Он давал Караулову время переломить ход боя, не осознавая, что ситуация с самого начала была неуправляемой. И даже отсутствие связи с батальоном укладывалось у него в рамки все той же надуманной им штатной обстановки.

В третьем часу дня Рогулин, наконец, услышал по радиосвязи неузнаваемый хриплый голос замполита Медунова.

— Ну, где же ты есть? Сделай же что-нибудь, нас убивают.

Начальник штаба не выдержал. Разрешения выдвигаться в район боя ему не дали, но и прямого запрета не последовало. «Надо будет ответить — отвечу...»

— Взвод, по машинам! За мной, вперед!

Через несколько минут, едва танк и боевые машины пехоты вошли в ущелье, в Хазару, шедший в колонне первым танк подорвался на mine, броня выдержала (все штатно!), но вот гусеницу разорвало, и машину с экипажем пришлось оставить. Для Рогулина это была оправданная жертва, и когда в наушниках назидательно заскрежетал голос командира полка, он выслушал монолог с досадой, но своих намерений не изменил.

— Я же говорил ждать! Кто дал команду? — ярился озлобленный голос.

— «Стрела», я — «Клен-73», вас не понял, не понял!.. Стрела повтори. Не слышу. Продолжаю движение к площадке. Прием.

— Я тебе дам «не слышу»! Отвечать будешь за самоуправство!

— «Стрела», вас не слышу, у меня повреждена антенна. Прием! — и выключив тангенту радиостанции, ослабив приступ накопившейся агрессии, добавил, — еще посмотрим, кто отвечать будет, накомандовал перестраховщик *хренов*, батальон вместе с комбатом положил и все распрягается.

Через два километра потеряли еще одну машину, она подорвалась на очереднойmine. Все было непросто в этом ущелье: действовавшее здесь бандформирование кое-что понимало в горной войне, но надо было идти дальше, на помощь.

Кто-то представлял себе Куликово поле после великой битвы? Конечно, кто-то пытался. Удалось? Не думаю. Сотни тысяч порубанных людей, мертвых и еще живых, представить невозможно, это не уместается в обывательском сознании. Большая зеленая поляна у Малимы для всех нас, кого мы называем современниками, была страшнее любых полей сражений средневековья, потому что на этой поляне лежали наши современники. Колонна под руководством начальника штаба Рогулина наконец-то добралась до этого поля битвы. Он остолбенел от увиденного. *Мать честная! Сколько народу погублено!* Но едва они показались из-за уступа скалы, по ним ударили крупнокалиберные пулеметы, били с недолетом, не рассчитав своих возможностей или опасаясь приближения боевой техники, но в том-то и дело, что теперь было, чем ответить. В сумеречной полутьме стрельба из пулеметов выдала вражеские позиции, и пушка головной машины с молодой легкостью, со злостью ударила по верхней террасе, откуда велся огонь. Эту тонкую, мстительную работу Рогулин не доверил никому, он тщательно, плотно укладывал пушечные очереди, не считая и уж точно не жалея расстрелянных боеприпасов. *Безнаказанными не уйдут...*

В сумерках подтянулась и разведрота, она помалу стала привыкать к функциям *пожарной* команды. Сегодня ей выпало всю ночь искать раненых и мертвых, носить трупы. Пока шел бой, люди забивались в любые каменные щели, под валуны, прибрежные осыпи, где и умирали от ран и потери крови, и теперь их надо было найти и собрать, как последнюю страшную дань, отданную войне. Трупы грузили навалом на две БМП, дошедшие до расстрельной поляны. Зрелище было безобразное, зловонный дух забивал ноздри, но всем, кто здесь оказался этой ночью, было не до щепетильности. Изодранные тела, смердящие останки с загустевшей кровью и лимфой, стволы автоматов, гранатометов, антенны радиостанций навалом, вперемежку лежали на броне машин, топорщились во все стороны, как изломанный хворост. Их вывозили для эвакуации на ровную безопасную площадку, которую уже окрестили *пляжем*. В те часы никто не знал, насколько много было погибших, сколько их всего, скольких искать. Сложность была и в том, что возвышающиеся над Малимой, над Хазарой отроги и высоты до сих пор не были прикрыты нашими войсками, только полная темнота скрывала от чужих глаз поисковую операцию, и с рассветом она была приостановлена.

Остатки батальона получили задачу подняться по отрогам над Хазарой и занять позиции для наблюдения и прикрытия. Их отодвигали в сторону, никто из командования не знал, что делать с людьми, которые прошли через горнило чудовищной бойни. Глебов собрал то, что называ-

лось третьей ротой, недалеко от смертного пляжа, половина роты осталась в строю, все-таки выжили. Он ходил между солдат, заглядывал в глаза и отчетливо понимал, что сегодня они находятся в глубочайшем ступоре и мало на что способны. У самого взводного на душе было такое опустошение, что не находилось слов его описать. Бездна! В нее уходили все силы, все эмоции. Жизнь человека — ничтожна! Разве можно принять эту мысль, сжиться с ней, заложить в фундамент своего будущего? В этом месте часто следует недобрая усмешка: *а ты уверен, что оно есть, это будущее?* Но на войне к такому страшному выводу однажды приходят все, и то, что жизнь ничтожна, здесь никого не удивляет.

Привычной колонной рота поднималась по хребтам Пизгарани к господствующим высотам. В солдатских головах крутились черные недочитанные мысли, дочитывать их до конца было страшно, все молчали, только тяжелое, срывающееся дыхание сопровождало мрачный утренний рейд. Глебов смотрел вниз на Хазару, на Малиму, долина удалялась, казалось, забирая с собой и вчерашнюю бойню, и тревожную ночь, и этот чужой рассвет. Но все вернется. И будет возвращаться снова и снова черно-белыми, рваными сполохами сновидений, холодным ночным потом, водкой, от которой не пьянеешь, и таким неудержимым желанием выплеснуть из себя весь накопившийся в сознании полоумный бред. Уходя все дальше вверх, он и представить себе не мог, что однажды ему, кровь из носу, захочется сюда вернуться. Зачем? Наверное, спустя годы придет время поставить точку в тяжелых, бесконечных, затертых временем раздумьях о своем прошлом, в котором так коварно, так жестоко сошлись апрельские звезды. Там не было старых, даже Караулову, комбату, было всего двадцать девять лет — *сама жизнь, самый* расцвет, когда еще много сил, когда все впереди. Как же вы так, ребята... Как же вы так...

Зачем вернуться? Наверное, чтобы поклониться себе, молодому, потому что, когда тебе за пятьдесят, ты не понимаешь себя двадцатилетнего, и вставить себя в те же рамки, взять в себя прежний страх и прежнюю дерзость невозможно. Но именно тот молодой спас тебя сегодняшнего, твоих детей, которые родились позже, весь твой род на несколько колен в будущее... И ему, Глебову, однажды захочется встать на этой проклятой земле в полный рост — так, как он не мог раньше, встать и смотреть на высоченные хребты Пизгарани. Горы знают, что он остался непобежденным, они знают, что он нашел здесь свою точку силы.

* * *

Манторов, заложив руки за спину, не торопясь, прошелся по гостиной.

— Значит, у Соломина ты был... Чай с ним пил?

— Водку. Много выпили.

— Ну и как он? Все так же речист и значителен? Не признал своих грехов, нет? Судя по тому, как тяжело идет наш разговор, понимаю, что не признал, вот в этом-то все и дело...

— Соломина обида столько лет душит, что его крайним выставили, с чего ему признавать. А вы свои признали?

Комдив опустил седую голову и замолчал на время, собираясь с мыслями.

— Знаешь, Андрей... Их ведь нельзя признать наполовину. Здесь я дал маху — здесь не я, здесь подчиненный идиотом оказался — здесь об-

стоятельства такие сложились. Их признавать надо полностью, а значит, все, что случилось, на мне должно лежать могильной плитой. Только сам посудите: я в Баграме за десятки километров от места принятия решения, Соломин — в пяти километрах, а Караулов — на самом рубеже. А это и есть расклад перед боем. Кто же из нас троих лучше должен понимать происходящее? Кто принимает решение на бой?

Глебов простил Манторову снисходительное обращение, видя, как медленно, как неохотно теряет апломб старый генерал, как сквозь маску уверенности и непогрешимости иногда проскальзывает лицо одинокого, непонятого человека, в сущности, старика.

— Этой темы мы касались. Был бы комбат самостоятелен, был бы с него спрос. Хотите личный опыт для примера? В Парандехе, в одном из Панджшерских ущелий, поднимаюсь как-то с ротой к перевалу, впереди — завал из каменных глыб, ну, точный рубеж засады, дело к вечеру, на душе беспокойно. Выхожу на связь с приданной батареей. Ребята, говорю, собутыльнички, дайте пару огурцов на закуску. Они в ответ, мол, для хорошего человека ничего не жалко, принимаю. Сразу после второго разрыва отправил головной взвод вперед, назначил цели пулеметчикам для прикрытия... Духов там не оказалось — если были, ушли — перестраховался я, но это было мое решение. А если бы мне вместо двух снарядов начали тыкать пальцем в хронометр и угрожать? В тот апрельский денек решение на бой принимали моджахеды, и плевать они хотели на сроки чужих задач и чужие праздничные даты.

— Хорошо, почти убедил, — Манторов снова оживился, — теперь давай с другой стороны посмотрим... Допустим, что ты — комбат — отвечаешь за полторы сотни людей, осознаешь риск... Так рисковни и, черт с ним, с моим приказом! Действуй трезво, действуй расчетливо.

— Вы сейчас сказали преступную вещь. Не может офицер нарушить приказ... Он так воспитан, это стержень командирской природы. И потом — никто не знает свой час *икс*, когда ударит тот самый колокол, о котором вы говорите.

— Но если ты понимаешь, что комдив с катушек слетел, тогда что... Да, будет трибунал, будут судить. Вот там и докажешь, что приказ был преступным, а ты сберег людей...

— То есть комдив Манторов слетел с катушек, а подчиненный, который по должности на три, на четыре ступени ниже, должен это понять и упредить развитие событий.

— Да! Именно так. И не событий, а катастрофы...

— Давно же вы на пенсии, Виктор Иванович, если так рассуждаете...

— Ну что ж, не повелся. Это я так, в рамках нашего с тобой разговора. Вы же взводные-ротные все молодые, умные, все с амбициями, командир дивизии для вас не авторитет. Вот только, когда доходит до дела, не всегда в голове включается нужный тумблер. А вот у комдива Манторова этот важнейший тумблер всегда в положении «включено», потому что под его ответственностью тысячи жизней, а еще боевые и государственные задачи. — Здесь Манторов многозначительно приложил ко лбу указательный палец. — Я плавно подвожу тебя к началу разговора. Приказы должны выполняться — но каждый исполнитель делает свою работу, исходя из нормы устава и здравого смысла.

— Знаю, к чему вы меня подводите, — Глебов растянул губы в саркастической усмешке. — Чем выше должность, тем острее болит душа за все человечество сразу. Хм, а взводные знаете, почему такие умные? По-

тому что их ответственность очень дорогая и неминуемая, им некогда рассуждать о целесообразности, они на кон свои жизни ставят, и решают они именно государственные задачи, а не свои личные, — Глебов уже не улыбался, представив своих сегодняшних взводных, выпускников последнего года, которые по возрасту годились ему в сыновья.

— Ладно, давай отложим эту тему, но вопрос, кто и как отвечает, намного сложнее, чем тебе кажется.

— Настоятельно сложнее, что в тот раз обошлись без трибунала. Так ведь? Как же это могло быть? У меня даже нет предположений.

— Как... На стадии предварительного следствия были изучены все известные факты, дана оценка обстоятельствам и всем руководителям. И дело закрыли. Напоролись на засаду, приняли бой в невыгодных условиях, и все тут. Иначе Соломин сидел бы, Караулов потерял бы доброе имя, армия умылась бы еще и позором. Батальон — все ж таки тактическая единица советской армии, а ее разделала под орех какая-то банда моджахедов-наемников. Ты представляешь себе резонанс?

— Да что он, резонанс? Трагедия произошла, беда. Важны факты, а не то, что мы о них думаем. Версии хороши для кино, а здесь кровавая окопная правда.

— Прав ты, Глебов, прав. Окопная правда многих руководителей пугает. А почему ты про меня не спрашиваешь?

— Про вас? Ваша роль очевидна — низкий уровень управления, — здесь Глебов сделал паузу и поднял глаза на генерала, — а в преступную халатность и, тем более, в злой умысел я не верю. Иначе бы не приехал. Такие обвинения еще надо обосновать, серьезно обосновать.

— Был бы заказ, обосновали бы. И ноги об меня вытерли бы, и не посмотрели бы, что генерал. Уволили бы подчистую. Делали выбор между мной и Соломиным. А Караулов... Караулов, так вышло, нас всех спас. Погиб в бою. Один заплатил — за всех, жестоко заплатил. Никто не посмел его имя марать...

Манторов подошел к книжному шкафу, достал увесистый, изрядно потрепанный том, было видно, что к этой книге обращаются часто, подержал его оценивающе и начал неторопливо просматривать закладки.

— Читал воспоминания генерал-полковника Меримского, его оценки событий того дня?

— Не только читал, это само собой, я с автором был знаком в свое время.

— Так даже... А ты непрост, Глебов.

— Ничего особенного, в Афганистане и познакомились. Общались. У меня хорошая память на имена, на лица и на события тоже, да и с людьми всегда поговорить интересно. А когда Меримский, который много чего про Афган знает, издал мемуары, было любопытно узнать его мнение о нашей войне. Там, хоть как, мимо Панджшера не пройдешь.

— Вот и я почитываю в минуты раздумий. В общем, рабочие заметки, ничего лишнего. Ему, руководителю высокого ранга, проще, чем нам, собирать факты и давать оценки. Есть документ — есть факт, есть оценка. Нет документа — и событие пролистнули. Он в любой своей заметке исходил из постулатов боевого устава, там все прописано, кто и за что отвечает, и в итоге, за что ответит. Ничего неординарного, без витиеватых рассуждений. Командир и есть главный организатор и не важно, нравятся ли ему указания старшего начальника, например, мои, или не нравятся, он должен их выполнять наилучшим образом, а не ломать комедию. Надеюсь, ты с этим согласен?

— Согласен. Каждый командир на своем месте выполняет поставленную задачу.

— Итак, что тут пишет Меримский? Посмотрим... — Наконец, Манторов нашел нужную страницу, надел стильные в потертой позолоченной оправе очки. — Цитирую. Успех боя во многом зависит от командира, от уровня его профессиональной подготовки... отношения к делу. У него (у Соломина) просматривалось стремление к выработке «своих» взглядов на ведение боя без учета оценки обстановки, тактики мятежников, требований наших боевых уставов... Он зачастую забывал, что только он лично несет персональную ответственность за принятие решения на бой, э-э, решений, принимаемых в ходе боя, за выполнение боевых задач и, конечно, за жизнь подчиненных. А вот еще... Связь с командиром полка была потеряна, но это не вызвало у него беспокойства, и он продолжал докладывать надуманную спокойную обстановку и естественно никакой помощи батальону не оказал... Вот такую оценку дает генерал-полковник Меримский нашему коллеге, а что написано пером — не вырубишь топором. Так что фигура Соломина достаточно понятна, а вот Караулов...

* * *

Афганец с черной с проседью бородой, со шрамом на щеке и культей вместо правой ноги растерянно крутил головой, оглядываясь то на Глебова, одетого в джинсы и легкую кожаную куртку, то на щуплого таджика-переводчика, тоже одетого по-западному. Фотограф с большой профессиональной камерой без перерыва щелкал и щелкал затвором, словно тысячетлетние камни-валуны, невзрачные осыпи на склонах гор, низкорослый камыш могли быть кому-то интересны. Шурави? Понятно, что шурави. Сколько лет прошло? Сосчитать пальцев на руках не хватает. Афганец хотел точнее уловить, что на самом деле интересует иностранцев, зачем они из Кабула приехали в Панджшерское ущелье, на Хазару. За его спиной желто-коричневым, выгоревшим за лето пятном лежала та самая злосчастная поляна, ставшая последним прибежищем для десятков убитых солдат и офицеров. Теперь в прибрежных зарослях орешника, в бороздах от дорожно-строительной техники, она казалась заброшенным пустырем, растеряв за минувшие годы все свое мрачное величие.

— Ты мне одно скажи, бача, слив информации был? — Глебов уперся взглядом в афганца, по возрасту они были почти ровесники.

— Он не понимает, что такое *слив информации*.

— Вы заранее знали, что шурави здесь пойдут? Фамиди? Понимаешь?

— Шурави? Да-да, фамиди, фамиди, нас предупредили. Помню, тогда вечером человек пришел от Ахмад Шаха, говорил, что по ущелью пойдут много шурави, большой батальон, их надо встретить, поугатать. Люди собрались, разговор был.

— Что значит, поугатать? Переспроси у него.

Глебов нелепо напрягся, улавливая какой-то новый смысл во всем, что произошло почти тридцать лет назад. Их ждали. Значит, все-таки предательство, и сарбозы, афганские солдаты из приданного взвода «зеленых» что-то знали об этом, потому они и боялись идти вглубь ущелья. А как же их командир, майор, он же погиб вместе с Карауловым? Получается, он ничего не знал.

В это время его переводчик, активно жестикулируя, заставлял афганца вспоминать детали. И тот вспоминал, кивая головой и становясь все

более разговорчивым, он был тогда молодым парнем, моджахедом, гордился собой, и он хорошо помнил день своей первой победы.

— Он говорит, что душманов, ну, то есть моджахедов, в Панджшере оставалось мало, Ахмад Шах основные силы отправил тогда в северные ущелья, в Андараб, а их отряд остался, устраивал засады, минировал тропы и выполнял отдельные поручения, потому что у них были инструкторы из Пакистана, дезертиры из армии и даже два араба-наемника. Человек от Ахмад Шаха приказал устроить засаду на Хазаре, пострелять и сразу уходить, пока артиллерия не открыла огонь. Он еще говорил, не задерживаться долго на одном месте, вокруг было много шурави. Надо было нападать на них в разных местах, так они и делали, и сразу уходили. Но главное, он говорит, у них в отряде было много дезертиров, бывших сарбозов. Это все из-за них, они были злые, им надо было доказать, что они по-настоящему перешли на сторону моджахедов.

— Замазаться кровью.

— Нис фамиди.

— Скажи ему, скрепить предательство кровавой печатью.

— Да, да, кровавая печать, он понял, так и есть.

— Бача, а ты сам стрелял в шурави, убивал?

— Стрелял? — Афганец ненадолго смутился, но потом с достоинством продолжил. — Стрелял, все стреляли, и я стрелял. Аллах все видел, Аллах все знает.

— А у вас, у моджахедов, потери были? — Дурацкий вопрос, сам про себя подумал Глебов, бача или не ответит, или соврет.

— Потери? А-а, убитые, да были, мы их сразу уносили, а вечером похоронили у Саха, у соседнего кишлака.

— Много? — Вопрос прозвучал вполголоса, на выдохе, и оттого показался многозначительным.

— Много, мало... На все воля Аллаха.

Надо было заканчивать этот лукавый восточный разговор. Глебов закурил, подошел к молодому аскетичному фотографу, продолжавшему снимать панораму пожелтевшей осенней долины, черных скалистых гор, их беседу с афганцем на фоне кишлака Малима.

— Ну, что, Саша, ты слышишь, как бьется от волнения мое сердце? — Для убедительности он потер ладонью грудь под джинсовой рубахой.

— Андрей Петрович, мое дело — видеоискатель, а насчет психоанализа уж простите...

— Ладно, прощаю. Куда тебе, молодому, понять. Этот дух, то есть афганец в меня, в моих ребят стрелял! И вот я стою на этой страшной поляне и понимаю, что совсем не хочу его убить, оборвалось что-то. А ведь в то время было желание достать их всех и растерзать голыми руками, чтоб ни одна сволочь живой не ушла, ведь смог бы. Вот как все изменилось, а ты — видеоискатель, видеоискатель... Только ради того, чтобы почувствовать, как посветлело на душе, стоило вернуться в Афганистан. А ты, Файзулло, что скажешь?

— Что сказать, — таджик-переводчик пожал плечами, — кажется, этот старый бача рад, что вы живы и здоровы, что поговорили с ним о днях молодости. Он пожалел, что мы не можем зайти к нему в гости, выпить чаю. Или можем?

— Вот уж совсем ни к чему, мои мертвые меня не поймут, с ними я уже никогда не выпью ни чаю, ни водки... Давай лучше подойдем к Хазаре, есть у меня тут пара приметных камней с насечками.

— Что в итоге сгубило римские легионы? Высокие амбиции и разрушенная дисциплина. Они думали, что сильнее них никого нет. Амбиции заслоняют реальность. Отсутствие порядка губит управление. И любой легион становится толпой. Бей ее, топчи, рви, пусть умоется собственной кровью, захлебнется ею. И алчущая толпа рассыпалась, теряя своих убитых и изувеченных. Вот так, лейтенант!

— Товарищ генерал?

— Да, ты уже стал полковником. Прости, старею, заносит иногда. И ты уже знаешь, командовать батальоном или полком на параде и в бою — не одно и то же. Этот гордо поднятый подбородок, развернутые плечи, знаки отличия на груди, взгляд, готовый испепелить... Красиво. Мощно. До холодка, черт побери. Честь и слава гвардейцам десанникам! Разведчикам... Танкистам... Много таких офицеров прошло перед моими глазами. А в бою... Там до лютого холода проберет, если со смертью разминешься. Идти в капшелевскую атаку с поднятым подбородком — это ж ума не иметь. Да умри ты сам сто раз, это твой выбор, но ты же солдат за собой ведешь, целый батальон. Всех — в преисподнюю! Ты понимаешь, Глебов?

— Вы сейчас о Караулове?

— О нем. Он был отличный офицер мирного времени.

— Если вы о комбате, вопрос не ко мне. Перед Богом и перед людьми он отчитался. Я же могу только за себя и за свой взвод ответить, у меня в том бою два бойца погибло, всего — два! Кстати, потом, утром вы всех живых построили, и моих тоже, помните, и давай их *гнобить* и унижать, почему они выжили, когда другие погибли. Как посмели! Этот вопрос надо было мне задавать, командиру взвода, а вы жертв безответных нашли, чтобы покуражиться.

— А что должен спросить командир дивизии? ..

— Страшно им было.

— Знаю. Только сопли вытирать — не моя задача...

— Спасибо, что искренне. Но вы же их в подлецы и в предатели записали.

— Ну, знаешь ли... — Генерал чуть потупился. — Когда мне доложили, что духи оружие убитых собирали, раненых добивали...

— Поле боя — не полковой плац. Каждый боец был целью. Кто мог, у кого получалось, тот отбивался. И противник у нас был настоящий — не бумажный.

— Настоящий... — Немного помедлив и явно уходя от неприятной темы, Манторов продолжил: — Вот и скажи мне по старой памяти, как боевой офицер, душманы были достойным противником? Как ты их воспринимал?

— Да, чего там — однозначно — как крестьян или, как их правильно назвать, как вооруженную толпу. Приходилось общаться.

— Ну нет, ты явно их недооцениваешь.

— Бросьте вы, товарищ генерал, какие они воины? Душманы, басмачи — самое верное их название. Осторожные, хитрые, коварные — это да, местность знают.

— Но многие из них проходили подготовку в Пакистане, годами оружие из рук не выпускали.

— Не спорю, но сопротивление армии могут оказать не отдельные моджахеды с оружием, а организованные отряды. Вот на такой отряд мы

и напоролись в виде исключения. Духи сильны ровно до тех пор, пока не чувствуют другую силу. Все дело в нас, в нашей неподготовленности. Мы пришли в Афганистан выполнять миссию, охранять чужую власть и позировать перед камерами в кедах и с автоматами... Такие крутые, такие brutальные парни. Просчитались. Надо было бить заразу, раз уж пришли, огнем выжигать, может, и талибов не было бы. Перед местными племенами встал бы вопрос — с кем они? С нами — получи карт-бланш и действуй, против — получи артиллерийский залп. Разделяй и властвуй — древнее правило, мудрое, до сих пор работает. Только все это называется войной, да? Да. Ну, а мы что — туда приперлись: играть в пионерскую зарницу или во взрослые игры? Интересно, в Москве, в коридорах власти этот вопрос себе задавали? Нет? А вот капитану Караулову задали, духи задали, и ответить на него он не смог.

— Мы поверили в собственные доклады о том, что моджахедов в Панджшере нет, все поверили, включая командующего и московских представителей. Ну а раз духов выдавили, какого черта вы еле плететесь и оглядываетесь? Резонно? Так что свой вопрос я тоже получил.

— И каков был ваш ответ, товарищ генерал? Опираясь на предписания этих представителей, вы дали команду уйти с хребта, то есть снять прикрытие, и добились своего?

— Слова нельзя выдергивать из контекста, получается бессмыслица...

— В другом случае, может, и бессмыслица, в этом... Батальон чуть больше месяца в Афгане, чуть больше месяца на войне, да еще измотанный до предела за последние десять суток. Это был неопытный батальон — надо называть вещи своими именами — не имевший боевой практики. Это был молодой комбат. И вы, и Соломин это понимали.

— Он комбат! Что значит, молодой?

— Вы знали, что Караулов не сможет вам перечить. Другой комбат, третий калач, на его месте мог любые реляции по радиосвязи выдавать, а поступать согласно реальной обстановке и своему военному опыту. Караулов этого драгоценного опыта не имел. И вот командир полка получает сообщение, что батальон вступил в бой, — сидит на пенке, как перед телевизором, и ждет, когда *наши* в конце *фильма* победят, не пытаюсь повлиять на ход боя. Одним словом, плюнул на все, пусть идет, как идет. Вы — возмнили, что с высоты вашей должности все видно и деликатно поинтересовались, не нужна ли помощь, чем и ограничились, а спустя годы утверждаете об ответственности каждого на своем посту.

— Я и теперь говорю, каждый командир должен быть на своем месте, отвечать за своих людей, понимать свой маневр! Если все это выполнить, расклад любого боя можно изменить. — Генерал поднял вопросительный взгляд на Глебова, пытаюсь почувствовать, понимает ли его собеседник. — Ты знаешь, сколько у меня комбатов в дивизии? Ну да, знаешь... Не в Караулове дело, не в нем лично. Ему бы полгода повоевать, был бы у него этот опыт, согласен, был бы он лучшим комбатом дивизии. Но он стал жертвой системы...

— Кажется, наш разговор подходит к чему-то важному.

* * *

В прихожей громко хлопнула дверь, и тут же раздались и ненадолго замерли легкие пружинистые шаги. Глебов чуть наклонил голову, прислушиваясь, но Манторов небрежно взмахнул рукой.

— Это Дима.

Почти тут же в проеме двери показалась русая взъерошенная голова.

— Деда, привет! Я тут на дискотеку, у нас в универе... Здравсьте, — поправился он, увидев незнакомого человека. — Деда, дело есть.

— Да знаю я твои дела, говори, сколько надо?

— Ну, знаешь, — ему было неловко, и он непроизвольно понизил голос, — тысячи хватит. Но лучше две.

— На кока-колу?

— Типа того. На энергетик, на *рэд булл*, ну, и на такси потом.

Манторов строго и в то же время вопросительно посмотрел на внука, молча предостерегая его от необдуманного удализма.

— Дед, да не курю я. Ты же знаешь. Преждевременный инсульт — себе дорожке. И пиво не пью, чтобы за угол не бегать. Лучше уж водки стакан, — он засмеялся, с удовольствием сморщив веснушчатый нос и точно зная, что дед ему не откажет.

Отношения двух поколений были как на ладони. Внучок призывного возраста, крепкий и по всему неглупый парень, совершенно не остерегался своего строгого предка. Впрочем, это на службе он строгий, в своей стариковской жизни Манторов боялся перегнуть палку, остаться без идейного продолжения в семье. И то, что Дима — студент, у которого ветер в голове, его беспокоило, словно внучок уже в этом отдалялся от него в угоду родительским планам или просто по ходу веселой студенческой жизни, в которой возможен любой неосторожный выбор.

— А у меня гость! — Сказал дед с гордостью. — Служили в Афганистане, почитай, тридцать лет прошло, а вот приехал. — Он по-доброму посмотрел на Глебова.

— Хм, меня еще и в проекте не было.

— Полковник Глебов. Андрей Петрович. — Глебов протянул руку, пожал ладонь мальчишки, которую тот напрягал, чтобы показать себя настоящим парнем.

— Дима. То есть Дмитрий!

— Силен. Чем занимаешься?

— Да так, всем понемногу. Плавание, рафтинг, стрельба из пистолета.

— Дмитрий — парень правильный, толковый, вот только свободолоубивый слишком. До либерализма.

— Это нормально, дед! Сейчас другое время, все дороги открыты. Это ты — динозавр, в смысле, мудрый динозавр.

— Ну что тут скажешь, теперь молодой человек волен сам определять свою судьбу, невзирая на семью, традиции, на то, что в мире происходит.

— Дед, что не так?

— Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя! Вот что не так. Это еще Ленин сказал. Нельзя идти против течения, много ты на своей байдарке против течения пройдешь?

— Дед, ну зачем против? Можно же поперек. Напряжешься и вырлишь.

— Вот видишь, Андрей Петрович, как младое племя резонирует вместо того, чтобы прислушаться к здравому смыслу. Думал, в военное училище отдать. Куда там!

— Дед, мое личное пространство — это мое личное пространство, а ты...

— Андрей Петрович — свой человек, — перебил внука Манторов. — И кстати, его жизнь многим могла бы быть примером.

— Дима, ты принципиально против службы? — Вмешался Глебов, чтобы не стать объектом для изучения.

— Нет. Армия — это круто, и деда своего, Виктора Ивановича, я уважаю, но это не мое, не могу я быть частью марширующей толпы.

— А частью народа можешь?

— Есть разница?

— Вот он эгоизм, но откуда же он взялся в семье? Служить всегда было почетно.

— Дима, а если Родина позовет?

— Товарищи офицеры, вы меня загрузили по полной. У меня мозг дымится.

— Что? Теряешься с ответом, боец.

Дима с улыбкой вскинул брови оттого, что этот полковник, друг деда, без колебаний возвел его в ранг бойца, в высокий ранг.

— Если Родина-мать призовет, то с двадцати пяти метров я не промахнусь, — сказал он тоже без колебаний и продолжил, обернувшись к деду: — Но служба — это ведь судьба? Так же? Ну, зачем мне такая судьба?

— Когда ты успел стать таким взрослым? — Манторов внимательно, с удивлением рассматривал внука, ища в нем изменения.

— Заметил? Хорошо. Дед, Андрей Петрович, вот вы Афган прошли, вы чувствуете удовлетворение? Вы хотите, чтобы я тоже свой Афган прошел, а потом задавал себе вопрос, правильно все там было? Нигде не перегнул, никого не подставил? Не надо, не отвечайте. Лучше я буду дома строить. Это тоже ответственность. Дом должен сто лет простоять, и в доме сто лет будут жить люди. Им будет тепло и уютно, а меня, инженера, они даже и не вспомнят. А в армии... А в армии вспомнят — накроют именной гранитной плитой и вспомнят. Вот такая дилемма.

— Дима, ты прямолинеен. Ты рисуешь мир, в котором у нас нет врагов...

— А вы их постоянно ищете...

— Дима не доводи до абсурда!

— Так, Дмитрий. Уясни четко, врагов искать не надо, они не прячутся, они смотрят нам прямо в глаза, и ждут, когда мы дадим слабину. — Глебов перестал быть мягким. — Или хуже того — ждут, когда мы сопли распустим. Ты должен это знать, даже если у тебя особое мнение об армии. Ну, а дома тоже кто-то должен строить. Здесь ты прав.

Глебов развел руки, чуть растянул губы в улыбке, посмотрел одобрительно на Манторова.

— Ладно, разобрались. Пойдем на кухню, чаю выпьешь.

— Нет, не хочу. Дед, я не пацифист, чтоб ты знал, не надо меня известкой мазать. У меня друг на днях из армии вернулся, вместе по Чусовой несколько раз сплавлились, в общем, надежный. Он на Кавказе служил. Провожали — веселый был, заводной, анекдоты травил. Вернулся — молчит. Орден Мужества на груди, медали. За что, спрашиваю? А он молчит, молчит, и все. Его как веслом по голове ударили.

— Что тебе сказать, внучок? — Манторов пожевал губы, помолчал. — Значит... Значит, не достоин ты его рассказа.

— Ты и правда так думаешь?

— Что я? Главное, что думает твой друг.

После того, как за Димой закрылась дверь, Манторов вернулся в комнату, задумчиво рассматривая под ногами ковер.

— Его мать, то есть моя дочь Елена мне прямо так и сказала: ты там дел наворотил, а теперь хочешь, чтобы внук по твоим счетам отвечал. Ему припомнят. Не будет никакого военного училища! Вот так и сказала. Да что она знает?

— А Дима что знает?

— В интернете все есть, не спрячешь. Ни разу не спросил.

* * *

— Так, о чем мы? На чем остановились?

— Вы говорили, если бы Караулову полгода повоевать, набраться опыта...

— Да, да. Если бы набраться опыта... Я жизнь прожил и скажу тебе, что главная заповедь командира — надейся, прежде всего, на себя, на свои силы, все остальное — по ситуации, как Бог положит. Не понял он этого, не успел. Мне иногда кажется, что ему просто не повезло. Ты понимаешь, что такое стечение обстоятельств? Обидно, но у нас, как национальный закон подлости — хотели, как лучше, а получилось, как всегда, — Манторов произнес последние слова с горечью, и в них не было ничего смешного.

— И все же...

Дождь давно кончился, и за окном, в которое теперь вглядывался Манторов, в свете уличных фонарей блеснул мокрый асфальт. С легким ветерком рассеялся и туман. Он пытался мысленно увидеть внука, спешащего к своим друзьям, но тот уже и забыл про их разговор. Последняя надежда и опора. В своем прошлом опоры он не находил.

— Да, я давал команду спуститься с хребта, и для Караулова это было одним из обстоятельств... — Манторов в задумчивости, взвешивая каждое слово, вышагивал по старому туркменскому ковру, и глухое поскрипывание такой же старой половицы сопровождало его шаги. — Но я и подумать не мог, что последствия могут быть такими, что исполнение будет таким бездарным! Ты ведь помнишь, какие на Хазаре господствующие высоты и гребни? Ну и скажи, каким образом по ним могло выдвигаться прикрытие? Да, никаким. Ваша третья рота могла бы там, на удалении, выполнять самостоятельную задачу, но не связанную с долиной, то есть с прикрытием войск. Так, на кой черт сдался этот гребаный гребень, если рота ничего не обеспечивала. Приблизь ее к себе, выдвигай вперед, когда необходимо, прикрывайся ею. Все отданные мной распоряжения не означают, что я гнал батальон в западню, в ловушку. Головная застава, боковая застава, интервалы между ротами и взводами, маневр подразделениями при вязывании в бой, применение собственных минометов и приданной артиллерии. Разве этого мало? И тут в ходе радиообмена я узнаю, что Соломин, этот... этот недоученный танкист, умышленно или нет, саботирует мои распоряжения. Не понимает, не хочет понять, как действует пехота, когда она в пешем порядке. Ему инструкцию подай, где все прописано! Это война, а не полигон, здесь экзамены враг принимает. А теперь развивай мысль, что мне было делать, когда я видел, что идет целенаправленный срыв боевой задачи. Отстранить его от командования батальоном и полком я не мог, хотя с радостью сделал бы. В этой ситуации и с таким командованием мы бы ничего не выполнили, я был вынужден давать указания через его голову и снять роту с прикрытия, чтобы она могла действовать с батальоном, а не в отрыве от батальона. Это позволило бы ускорить движение и закончить операцию в срок. И что было делать,

когда батальон в тот день действовал без одной роты и взвода. Должен тебе сказать, я все-таки надеялся, что Караулов справится с задачей, должен был справиться. Ну, хотя бы нанести превентивный удар артиллерии в наиболее узком месте? Что же он...

Генеральская бутылка коньяку уже закончилась, да и сам генерал словно выдохся, высказав, наконец, свою мысль до конца, но, так и не услышав собеседника. Глебов, было, потянулся к своему походному кейсу, чтобы сменить французский коньячный букет на армянский. В это время тяжелым гулким боем ударили настенные часы, отсекая промозглую осеннюю полночь... И он остановил себя, как будто одернул. Ведь что же получается, Манторов, несмотря ни на что, не хотел признавать ни своих ошибок, ни заблуждений. Твердо упершись в букву устава, он как Скобелев, был готов и дальше расходувать войска. Война все спишет, на то она и война. Так же думал и Соломин, который два месяца назад во время их беседы был готов кого угодно признать виновным, но только не себя. Его доводы обесоруживали. *Кто загнал батальон в ущелье, в засаду, тот пусть и отвечает. Он мне трибуналом грозил, а тут 58 погибших один к одному — и никакого трибунала. Крайнего нашли?..*

Разговор вдруг уперся в стену, рассыпался, как песок, оборвался, оставив нелепые междометия, и уже не стало смысла искать ответ, что же на самом деле случилось в тот день на Хазаре, в горном разломе? Потерялась и сама нить... Глебов не заметил, как выпал из разговора, и не слышал слова старого генерала о том, что надо было бы ввести еще несколько дивизий, добиться тотального превосходства, перекрыть границы... Он молчал, с отчетливым недоумением осознавая, что все... все в тот гибельный день вдруг оказались не на своих местах, все делали не то, что должны — не в этом ли и есть удар набатного колокола. Не в этом ли эффект бабочки, когда взмах ее крыла отзывается ураганом на другом конце планеты. Не в этом ли эффект высоких решений, когда росчерк золотого пера через тысячи километров отзывается убийственным рокотом пулеметных очередей...

— Я скатился тогда до грубых эмоций и все этим испортил. Да, я грозил Соломину трибуналом, но точно также разговаривали и со мной. Соломин затаил обиду, он, видишь ли, с характером, бросил вожжи и уже ничем не управлял. Демонстративно! Молодым комбатом прикрывлся. Назло, из принципа! Ваш батальон ждали на Хазаре, теперь это факт, и боя было не избежать — не избежать было и потерь. Но мы так и не использовали всех наших военных возможностей. Не смогли... Ну что, Глебов, ты это хотел услышать?

— Так вы всегда знали, что произошло на самом деле?

— Ничего я не знал. Это моя рабочая версия, и все эти годы я выстраиваю в ней свой рубеж обороны. Вот только мою роль как руководителя оценивают другие. Ты свое мнение тоже высказал. И что, в мою защиту у тебя не найдется ни одного слова?

— Почему же, найдется. Вспомнился эпизод из того дня, правильное, из ночи. Командир дивизии, генерал, своими ногами отмеряет километры к месту гибели батальона. Не боясь испачкать сапог в грязи, в крови, не боясь увидеть плоды своего командования. Чтобы помнить эту чудовищную картину всю жизнь. Так ведь, товарищ генерал?

— Так, Андрей. Так и есть. Всю мою жизнь... Ты приезжал, чтобы услышать это от меня?

— Я хотел понять...

Подступающий сон клонил к спинке дивана седую голову генерала, когда в ночных новостях уже привычно, буднично стали рассказывать о трагическом происшествии в Афганистане. Ресницы сначала чуть вздрогнули: «А-а, опять американцы, все им нейдет...» А когда сухой голос диктора за кадром произнес: «...на авиабазе Баграм потерпел крушение...», — сна у генерала и вовсе не осталось. По экрану, по краю неба тяжелой распластанной птицей сползал американский транспортный «Боинг-747», медленно, неотвратно... Лет двадцать назад он бы потерял руки от удовольствия видеть гибель и беспомощность подлого врага, теперь же, как после укола адреналина, он тревожно вздрогнул, привычно свел брови у переносицы, вглядываясь в контуры такой знакомой, такой далекой страны, в сплосхи еще одной фатальной катастрофы... «Что делаешь, за все надо платить».

Течет речушка Хазара,
Смывает кровь с камней...

